

МЫСЛИ ВСЛУХ ОБ ИСКУССТВЕ

И ПОИСКИ, И ТРАДИЦИИ

В РЯД ЛИ МОЖНО найти в наше время художника, перед которым не стоял бы целый ряд серьезных, требующих решения творческих проблем. Это вопросы современности, преемственности, стиля, взаимовлияния национальных культур, о которых много говорилось и на объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР.

Оглядываясь назад, видишь, что последние десятилетия значительно обогатили нас. Трудно представить себе советское искусство без ряда произведений последних лет, созданных старшими и более молодыми творцами, отделить от него сравнительно новые имена Айтматова и Аникушина, Кайсына Кулиева и Кибалыникова, Гамзатова и Коржева, Моисеенко и Нодара Думбадзе... Вместе с ними в искусство пришли новые пласты жизни. Родным и близким стал нам учитель из далекого киргизского селения, глубоко врезавший в сознание образ скорбящей матери — литовки, безграничный полет революционной тачанки, вставшей в степи, как символ подвига революции. И кажется, что молодой Пушкин Аникушина всегда стоял у Русского музея, а в песнях Свиридова мы как бы услышали живых Есенина, Маяковского и Блока. Да, это чудо, созданное талантливым творчеством. Эти глубоко национальные произведения стали родными для всех советских людей. Так советский человек складывает в сокровищницу своей души лучшее, что создает многонациональная культура Страны Советов. Но складывает не просто, как сведения о других, а как свое кровное, личное. Я грузин, но я неразделим с Шолоховым, Гамзатовым или Корниным. Я не представляю своей музыкальной судьбы без судьбы моих коллег. Я стал богаче, сильнее. Мне помогли, и я буду счастлив, если кому-нибудь помогу. В стихах Кайсына Кулиева я узнал новое о грузинских поэтах Леонидзе и Чиковани, хотя и был знаком с ними с детства. Он увидел их по-своему, заметив то, что я раньше не видел. Именно такое предметное, глубокое творчество обогащает нас, так как создает предпосылку для международного развития.

Бессспорность достижений не исключает сложности, связанных с развитием искусства. Движение творчества — это бесконечная смена художественных образов, идей, стилей. У музыкантов, например, процесс смены средств выразительности весьма интенсивен и остро связывается с самим содержанием музыки. Двадцатый век принес в музыку много новых средств выражения, некоторые из которых связаны с появлением электроинструментов, новых способов воспроизведения звука с магнитной пленки и так далее. Музыканты — народ страстный и увлекающийся. Многие в период появления казались нам открытием нового мира, но затем быстро устарело и перешло в раздел изобразительного, не вяжущегося с духовным содержанием новой музыки. Однако, кое-что оказалось более устойчивым и перспективным. Спор же о при-

менении новых средств не утих и не утихнет никогда.

Я хочу сделать несколько замечаний, связанных с моими личными наблюдениями и вылившихся в убеждение. Не так давно увлечение абстрактной живописью было одним из сильнейших в мире, некоторые художники и впрямь считали, что это наиболее чистый и возвышенный, наиболее духовный вид изобразительного искусства. Но жизнь рассудила иначе. Абстрактный рисунок и узор стали предметом прикладного искусства — появился на тарелках, обоях, тканях, то есть стал бытовым. Но и здесь он имеет сильного конкурента: ведь в созданных прихотью художника абстрактных сочетаниях меньше разнообразия, чем в установившихся народных узорах.

Казавшиеся революционными средства электронной конкретной музыки наиболее продуктивно влияли лишь в изобразительные эпизоды музыки в кино и телевидении, где нашли свое наиболее естественное и полезное место.

Примерно то же происходит с серийной музыкой, уже по природе своей, по своим законам, исключаяющей все традиционное. Серийная система заставляет отвернуться от естественного освоения неисчислимых богатств народной музыки.

Иногда я задумываюсь, что было бы с произведениями тех замечательных авторов, которых я назвал выше, если бы они так же, как и авторы серийной музыки, отвернулись от национальных традиций, реальных образов? Думаю, что они были бы попросту забыты.

Поэтому возникает мысль: может ли музыка, отрешившись от всех традиций и представ в так называемом «чистом» виде, принести пользу? Отвечая на этот вопрос, следует исходить из того, какую задачу ставит музыка перед собой и кому она должна принести пользу. Если задача — нивелировка национальных характеров и обезличивание творческих особенностей народа, тогда. Если же цель ее — истинно интернациональное обогащение народов, наделение их любовью и уважением друг к другу для борьбы за общие идеалы добра, то — нет. А так как трудно найти народ, который добровольно откажется от созданной веками национальной культуры и согласится уничтожить плоды усилий сотен талантов и гениев, отразивших в творчестве жизнь своего народа, то, естественно, что в конечном итоге серийная музыка окажется неприемлемой для любого народа.

Я не хочу заострять внимание на идеологической сущности абстрактного искусства,

так как советские художники — я уверен — никогда не занимались им всерьез, а увлекались лишь из любознательности и стремления к познанию одного из новых средств выразительности.

Но в руках зарубежных художников абстракция — это ярко выраженная система вне-национального, то есть космополитического, смертельного и непримиримого врага интернационального, его антипод.

И все же, мне кажется, давая абстрактному искусству ясную оценку, мы не должны грубо администрировать, так как это не разрешает противоречия, а загоняет их вглубь. Великий лозунг — действовать убеждением, личным примером, силой творчества, не преграждая путь поискам нового. С другой стороны надо помнить, что заигрывание с чуждыми тенденциями, желание некоторых представить себя этойкой необъятно широкой творческой личностью приносит большой вред. Правда — одна, и весь вопрос в том, чтобы не грубо подталкивать к ней других, а суметь сделать ее для всех желанной целью. Видимо, надо помнить и то, что цель эта — движущаяся и то, что стало «попаданием» для старшего, может не оказаться таковым для молодого. Но мы можем говорить с полной уверенностью и квалификацией о процессе поиска истины, процессе, через который прошли многие замечательные люди, создавшие нашу культуру. Их жизнь и устремления — образец для нас. Само же творчество — это бесконечный процесс поиска правды и правдивой речи, лежащих за семью замками мастерства, ума и великой человеческой души.

Правдивости ищет не только более изменчивая музыкальная, но и веками установившаяся разговорная речь. Даже уметь правдиво произнести написанное — громадное искусство. Наша страна богата великими актерами, владеющими тайной этого искусства. Беспредельно правдива, например, речь Толубеева, Смоктуновского, Закариадзе, Ульянова. Раз услышав эту правду, трудно слушать фальшь. Фальшивая интонация так же отталкивает, как неопрятность. Но интонация перечисленных актеров не та, что была у их предшественников. Она в чем-то неудовимо нова. Актеры, сохраняя выразительность, говорят как бы проще. Поиск правдивой речи беспрестанно идет и в музыке, особенно, в формировании мелодии.

Например, Мусоргский, Бородин создали прекрасные оперные мелодии, хотя они совсем не такие, какие находим в прославленных до них операх — итальянских и немецких. Но если повторять старое, не будет чуда созидания нового. Совсем ломать — не

будет самой мелодией. Вот и надо искать новую, правдивую речь, опираясь на опыт и духовные устремления предшественников, упорно, в творческих муках находя новую правду, подсказанную самой жизнью.

Слабовольные восклицают: мелодии больше не может быть, это понятие устарело. Но мгновенно становится старым, как раз то, чем они стараются заменить мелодию. А упорные и последовательные художники доказывают, что мелодия не только может, но и должна существовать, создавая замечательные образцы новой, естественной музыки.

В последние годы тенденция развития музыки со словом усилилась, расширилась и углубилась необычайно. В ее сфере стали действовать новые оригинальные таланты и по-новому звучали прославленные мастера. Какую свежесть обрели вокальные опусы Прокофьева! Какую новую для себя и прекрасную музыку написал Д. Шостакович! Новые сочинения появились и у других авторов старшего поколения. Мощной движущей силой этого искусства является уже названный мною Свиридов и ряд, на мой взгляд, наиболее смелых композиторов братских республик. Успех их сочинений отличен от обычного успеха: они как-бы врастают в народ — медленно, но верно. Это движение происходит на глазах и вряд ли с этим может спорить кто-либо.

Хочу сказать несколько слов и об устаревшей в какой-то мере практике музыкальной пропаганды в нашей стране.

Страна древних вокально-хоровых культур, страна песни, страна великих певцов, сегодня в музыке развивается, с моей точки зрения, с сильным креном в область инструментальную. Ником образом не сокращать последнюю и не уступать в успешной борьбе за мировое первенство в этом разделе, но подымать на должную высоту и вокальную музыку, так мощно и властно представленную в композиторском творчестве, укреплять и расширять поредевшие ряды камерных певцов, организовывать новые хоры и их гастроль — наша святая обязанность. Не делать этого — значит, замедлить, а может быть и изменить сам творческий процесс, так как творчество и исполнительство связаны, как сердце и кровеносная система.

Революция пробудила в народе тягу к искусству. Глубоко правдива и символична картина Коржева, где красноармеец ленил Гомера. А как гениально пипет о том же Александр Блок в своих письмах! Его мысли о великом и простом искусстве, многим в то время казавшиеся тривиальными, оказались пророческими. Такое искусство притягивает к себе сердца во все времена — и в счастливые и, как мы убедились, еще больше в трудные. Поэтому оно и бессмертно.

О. ТАКТАКИШВИЛИ,
народный артист Грузинской ССР.